

Тимофеев И.Н.¹

Баланс сил, взаимозависимость и идентичность: конкуренция эмпирических моделей решения дилеммы безопасности

Вопрос о том, почему государства периодически находятся в состоянии военного соперничества, традиционно был одним из ключевых для международных исследований. Он рассматривался с позиций различных объяснительных схем, однако это не меняло суть вопроса как такового – локомотивом появления новых теорий выступала скорее смена независимых переменных, тогда как зависимая переменная во многом оставалась единой для базовых теорий МО.

Эта зависимая переменная может быть концептуализирована, в частности, в терминах дилеммы безопасности, которая предполагает стратегический выбор государства между двумя предельными альтернативами – сотрудничеством или конфронтацией с другим государством (государствами). Фундаментальной предпосылкой выбора является то, что он осуществляется в условиях неопределенности – лица, принимающие решения в стране А, не имеют всей полноты информации о потенциалах и, что более важно, о намерениях страны Б. Подобная неопределенность, согласно классическим подходам, проявляется на двух уровнях. Во-первых, на уровне интерпретации действий противоположной стороны, когда требуется ответить на вопрос, являются ли они угрозой. Во-вторых, на уровне определения реакции, адекватной угрозе. И интерпретация угрозы, и реакция на нее могут быть ошибочными. В пределе эти ошибки могут вылиться в так называемый парадокс безопасности – не зная о намерениях противоположной стороны и подозревая ее в конфронтационных намерениях, обе конкурирующие страны наращивают свои потенциалы. В конечном итоге они вступают в противостояние, которое нежелательно ни для той, ни для другой стороны.² Иными словами, объясняя стратегический выбор в терминах дилеммы безопасности, нам важно ответить на следующие вопросы – почему действия противоположной стороны воспринимаются в качестве угрозы, и чем именно определяется характер ответа на возникший стратегический вызов?

Ответ на эти вопросы долгое время выступал предметом конкуренции реалистской и либеральной теорий МО, а также их производных – неореализма и неолиберализма. В последние десятилетия в качестве альтернативного подхода большую популярность приобрел конструктивистский подход. Однако несмотря на большое число публикаций конструктивистов, их количество явно не переходит в качество – в более или менее строгую теорию, способную на равных конкурировать с предшественниками в объяснении поведения государств в условиях дилеммы безопасности. Причину такого положения вещей следует искать не в разнородности самого конструктивизма и не в обтекаемости его базовых понятий, таких, как идентичность, инаковость или групповая солидарность. С похожими трудностями сталкивается любая теория в гуманитарных науках уже потому, что ни одно понятие не является конвенциональным, заданным раз и навсегда. Между сторонниками той или иной теории могут идти жаростные дебаты относительно определения понятий или относительно, скажем, онтологических основ теории. И реализм, и либерализм, несомненно, служили ареной подобных дебатов.

Тогда в чем же причина? Ответ на этот вопрос, как представляется, следует искать в логике формирования теорий (и шире – парадигм) международных отношений. И реализм, и либерализм базируются на мощном политико-философском фундаменте, который далеко выходит за рамки собственно международной проблематики.³ Однако не менее значимым фактором

¹ Тимофеев Иван Николаевич – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политической теории МГИМО(У) МИД России.

² Booth, Ken; Wheeler, Nicholas. *The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics*. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2008. P. 1–18.

³ Следует, однако, согласиться с тезисом Т.А. Алексеевой о том, что систематизированной нормативной теории международных отношений пока не существует. Одна из причин заключается в недостатке эмпирической информации, с которым неизбежно сталкиваются теоретики. См.: Алексеева Т.А. Реванш кочевников или ценностное осмысление глобализации // *Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития* / Под ред. А.И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2006. С. 26.

развития теорий международных отношений в XX в. стала их эмпирическая верификация – проверка посредством формализованных методов. Эмпирические исследования позволили конкретизировать целый ряд нормативных постулатов теории международных отношений. Смещение исследовательского фокуса от реалистской проблематики к либеральной во многом произошло именно благодаря эмпирическим исследованиям. После 1970-х гг. подобные исследования смогли выявить новые реалии международной политики, которые явно отличались от реалий военного и послевоенного периода, а значит, требовали иной теоретической рефлексии. Таким образом, сдвиг к либерализму в международных исследованиях стал результатом не только политико-философской, но и эмпирической аргументации. Следует отметить, что подобные эмпирические исследования носили во многом количественный характер, т.е. уровень формализации полученных аргументов был достаточно высок, что способствовало строгости теоретических обобщений.

В этой логике конструктивизм мог стать серьезной теоретической альтернативой, сделав два важных шага. Первый шаг должен был подразумевать выявление и концептуализацию новых факторов в объяснении поведения государств в условиях дилеммы безопасности. В целом конструктивисты смогли предложить эту альтернативу, объясняя стратегический выбор государств особенностями их идентичностей. Второй же шаг должен был подразумевать формализацию выдвинутых аргументов и ее проверку. И здесь конструктивисты столкнулись с серьезными трудностями. Оказалось, что идентичность весьма сложно измерить количественным путем или формализовать в виде моделей. Более адекватными оказались качественные методы. Но они не обеспечивают необходимой строгости аргументации в силу значительно более широкой интерпретации результатов по сравнению с количественными методами. Именно поэтому статус конструктивизма остается неопределенным, и до тех пор, пока не будут предложены адекватные формализованные модели влияния идентичности на стратегический выбор государств, этот подход будет сохранять только статус претендента на место в ряду «больших» теорий МО.

Для аргументации этого тезиса мы рассмотрим конкуренцию реалистской и либеральной теорий МО в объяснении дилеммы безопасности с точки зрения их эмпирической верификации, а также обозначим перспективные исследовательские направления, которые могут способствовать укреплению эмпирических основ конструктивизма.

Верификация тезисов реализма: баланс сил, гонка вооружений и силовая политика

Пиком развития теории реализма можно считать первую половину «короткого двадцатого века»⁴, когда предметом рефлексии международников стал опыт двух мировых войн, а также угрозы конфронтации между СССР и США. Основные аргументы реалистов подробно изложены и в зарубежной, и в российской литературе, поэтому обозначим лишь те из них, которые являются принципиальными для эмпирической проверки.

Поведение государств на международной арене определяется их национальными интересами, для защиты и продвижения которых государства склонны к максимизации своих экономических и военных потенциалов (мощи).⁵ В отношениях между конкурирующими государствами ключевым фактором выступает баланс сил. Нарушение баланса сил или достижение критического предела в накоплении мощи выливается в конфронтацию между государствами. Часто государства не в состоянии, полагаясь только на собственные силы, защитить свои интересы, что толкает их на создание коалиций. В этом случае баланс сил имеет системный эффект. Стабильность международной системы определяется распределением мощи между ее участниками – чем менее равномерно подобное распределение, тем более высока вероятность конфликта.⁶ Таким образом, нарушение паритета или асимметрия потенциалов по сравнению с другим государством или блоком выступает основным фактором его восприятия в качестве угрозы и стратегического выбора в пользу «худшего сценария». Важным допу-

⁴ Эрик Хобсбаум и Джон Лукач связывают начало «короткого двадцатого века» с «коллективным самоубийством Европы» – началом Первой мировой войны в 1914 г. Его окончание ассоциируется с финалом холодной войны в 1991 г., хотя и Хобсбаум, и Лукач весьма осторожны в подобных оценках. См.: Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век 1914–1991. М.: Издательство «Независимая газета», 2004. С. 11–27; Лукач Дж. Конец двадцатого века и конец эпохи Модерна. СПб.: Наука, 2003. С. 10.

⁵ См.: Моргантау Г. Международная политика // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т.2. / Под ред. Т.А. Алексеевой. М.: Мысль, 1997. С. 500–506. См. также: Morgenthau G. Scientific Man vs. Power Politics. Chicago: The University of Chicago Press, 1946. P. 73.

⁶ См.: Waltz, Kenneth. Theory of International Politics. N.Y.: Random House, 1979. P.118.

щением реализма является также и то, что выбор в ситуации дилеммы безопасности определяется прежде всего внешнеполитическими воздействиями, т.е. вызовами со стороны других государств. Тогда как внутриполитические факторы носят второстепенный характер.

Примером фундаментальной формализованной модели конкуренции государств является модель Льюиса Ричардсона. Будучи метеорологом, Ричардсон предпринял попытку анализа динамики военных потенциалов при помощи математических моделей, используемых в естественных науках (например, для расчета траекторий движения планет). Предметом анализа стала гонка вооружений, предшествовавшая Первой мировой войне.⁷ Пытаясь ответить на вопрос, почему государства склонны выбирать «худший сценарий» и постоянно наращивают свои вооружения, Ричардсон сделал акцент на следующих переменных. Во-первых, во внимание принимается реакция на военные потенциалы, имеющиеся у вероятного противника, и мера угрозы, ассоциируемая с этими потенциалами: появление у конкурента новых вооружений требует ответа, например, в виде превентивной разработки более совершенного оружия. Во-вторых, учитывается цена ответа на угрозы, т.е. пределы нагрузки для экономики, которые может позволить себе государство, отвечая на вызов конкурента (ресурсы ограничены, а наращивание военных усилий требует изъятия средств из других сфер). В-третьих, принимается во внимание опыт прошлого: наличие конфликтов или «обид» в прошлом усиливает восприятие угрозы.⁸ В зависимости от значения этих переменных взаимодействие двух государств может иметь два исхода. Первый – состояние равновесия, когда цена ответа на угрозы в обоих государствах воспринимается как слишком высокая для того, чтобы дать ответ на угрозу. В этом случае наращивание вооружений имеет стабильный и постепенный характер без чрезвычайно резких усилий с той и с другой стороны. Второй – нарушение равновесия, когда реакция на угрозу перевешивает соображения экономической цены ответа на нее. Это ведет к взрывному наращиванию вооружений с обеих сторон, а впоследствии – к развязыванию войны.

Модель Ричардсона подвергалась серьезной критике. Оппоненты указывали на то, что она объясняет результат без учета процессов принятия решений, приведших к этому результату. Она также игнорирует цели, которые реально ставят перед собой государства. Конечно, эксперимент с моделью, используемой для изучения движения планет, интересен, но планеты не делают того, что делают государства. Для Ричардсона государства выступают нерелевантными сущностями, а значит, из поля зрения исключаются вопросы морали и ценностей, которые также могут повлиять на выбор стратегии. Еще одна сложность состоит в том, что сами категории оценки потенциалов и экономической цены их наращивания, не говоря об «обидах», могут существенно различаться.⁹

Несмотря на критику, модель Ричардсона использовалась, совершенствовалась и наполнялась самым различным содержанием в десятках (если не сотнях) эмпирических трудов международных ученых. Большая работа, в частности, была проведена в отношении эмпирических индикаторов. Речь идет, прежде всего, о базах данных по военным потенциалам, которые, собственно, и выступают предметом угрозы – первой переменной модели, а также о различных экономических показателях, измеряющих цену ответа (может быть упомянуто, например, сопоставление расходов на оборону с остальными статьями бюджета). Наконец, формализованными методами инвент-анализа измерялся уровень взаимных «обид». Кроме того, сама модель модифицировалась и получала различные дополнения.¹⁰ В целом, она позволила решить задачу описания и понимания природы гонки вооружений.¹¹ Она также оказала важную эмпирическую поддержку реалистскому тезису о том, что конфликты могут объясняться изменениями баланса сил. Кроме того, несмотря на известное упрощение реальности, свойственное любой модели, она дала возможность более точного прогноза гонки обычных вооружений.

Наряду с моделированием, формализация реалистской проблематики получила значительную подпитку благодаря развитию теории игр. Одним из ее достижений стало то, что она позволила учесть влияние ядерного фактора на стратегический выбор в пользу войны или мира, – ее расцвет пришелся на 1970-е – начало 1980-х гг., т.е. на пик гонки ядерных вооруже-

⁷ Ричардсон получил первые результаты непосредственно после окончания Первой мировой войны. Их признание состоялось только в 1960-е гг., когда в США началась «бихевиористская революция» и количественные методы получили самое широкое распространение в гуманитарных науках.

⁸ Описание этих переменных, а также математическое выражение модели см. в следующей работе: *McGinnis, Michael. Richardson, Rationality, and Restrictive Model of Arms Races // Journal of Conflict Resolution*, Vol. 35, №3, September 1991. P. 447.

⁹ Критические отзывы в отношении модели Ричардсона см., например, в следующей работе: *Anderton, Charles. Arms Race Modeling: Problems and Prospects // Journal of Conflict Resolution*, vol. 33, No 2, 1989. P. 347–364.

¹⁰ Обзор этих работ см., например, в упомянутой выше статье МакДжиниса. *McGinnis. Op. cit.* P. 452–455.

¹¹ *Anderton. Op. cit.* P. 3.

ний между СССР и США. В частности, конкуренция между двумя блоками была формализована посредством модели дилеммы заключенного, которая хорошо описывает уже упоминавшийся нами парадокс безопасности. Двум конкурирующим державам выгодно взаимное снижение расходов на оборону (в терминах модели Ричардсона, им выгодно снижение взаимной угрозы, а значит, и нагрузки военных расходов на экономику). В этом случае оба государства выигрывают. Но если государство А начнет разоружаться, государство Б может воспользоваться этим и вместо взаимного разоружения еще больше нарастить свой потенциал. Обманув конкурента, Б может получить большое преимущество, а начавшее разоружаться государство А – оказаться в значительном проигрыше. Очевидно, что Б может оказаться в сходной ситуации, сделав первый шаг в разоружении. Таким образом, несмотря на то, что взаимное разоружение выгодно обоим конкурентам, каждый предпочитает дальнейшее вооружение. В этом случае обе стороны проигрывают, но эти потери меньше по сравнению с теми, которые можно понести, сделав первый шаг в разоружении и оказавшись жертвой обмана.¹²

Поиски выхода из ситуации дилеммы заключенного для двух ядерных держав широко обсуждались международниками на исходе холодной войны, оказав немалое влияние на разоруженческую проблематику. Например, Скотт Плоус полагал, что выход может быть найден в том случае, если рассматривать конкуренцию держав в терминах дилеммы восприятия, а не дилеммы заключенного. Это значит, что ожидаемая польза от принятия того или иного решения является не априорно заданной, а скорее представляет собой предмет субъективного восприятия каждой стороны. Например, Россия может считать, что в данный момент времени США выгоднее вооружаться, а не разоружаться, и наоборот. (Впоследствии эта аргументация будет использоваться конструктивистами.) Дилемма решается в том случае, если оценки полезности разоружения совпадают, и державам удается убедить друг друга в том, что разоружение является взаимовыгодным, сделав шаги к сотрудничеству. Плоус подтверждал свои выводы серией экспериментальных исследований.¹³

Еще один вариант решения дилеммы заключенного – стратегия «зуб за зуб» (англ. *tit-for-tat*). Она предполагает попытку конкурентов закончить или приостановить гонку вооружений путем сотрудничества. При этом государство А, сокращая свои расходы, будет чутко реагировать на дальнейшие действия государства Б. Представители А, например, могут поставить следующее условие: государство А будут тратить на оборону не меньше, но и не больше государства В. Таким образом, конкурент вознаграждается за сотрудничество (расходы обоих государств сокращаются, и они оба выигрывают), но наказывается за попытку обмана (расходы обоих государств растут, они оба проигрывают). Эта модель в свое время подробно изучалась Марком Лихбахом, который формализовал условия, делающие реализацию этой модели стратегического выбора наиболее адекватной. Лихбах осуществил сопряжение модели Ричардсона и теории игр. Но его выводы нельзя назвать оптимистичными. Во-первых, не так много прецедентов гонки вооружений в истории завершались путем сотрудничества. Во-вторых, риск обмана со стороны конкурента остается достаточно высоким, что подрывает доверие и возможности сотрудничества как таковые: инициативы по разоружению могут быть восприняты как признак слабости. В-третьих, эта стратегия трудно реализуема в случае большой асимметрии в распределении мощи. В терминах модели Ричардсона, она применима в условиях равновесия, но не в условиях, когда страны резко наращивают потенциалы. А ведь именно в этих случаях стратегии решения дилеммы заключенного наиболее востребованы.¹⁴ Лихбах опубликовал свою статью в 1989 г., когда сотрудничество между СССР и США давало надежду на окончательный выход из ситуации дилеммы заключенного между двумя странами. Однако дальнейший ход истории показал, что пессимизм Лихбаха не был безосновательным.

Эмпирические исследования в области реалистской проблематики, конечно, не ограничивались советско-американским противостоянием. Более того, окончание холодной войны существенно усложнило исследовательскую задачу. Вместо двух игроков с приблизительно равными военными потенциалами на международной арене оказалось несколько игроков, причем распределение сил оказалось явно несимметричным. Кроме того, появилось нема-

¹² Дилемма заключенного описана, например, в работе Джона Эльстера. См.: *Elster, John. Explaining Social Behavior*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 317–320. Применительно к международным отношениям она описывается в работе Лихбаха. В этой же статье представлен обзор литературы по использованию теории игр для моделирования конкуренции между государствами. См.: *Lichbach, Mark. Stability in Richardson's Arms Races and Cooperation in Prisoner's Dilemma Arms Rivalries // American Journal of Political Science, Vol. 33, №4, November 1989. P. 1017.*

¹³ *Plous, Scott. The Nuclear Arms Race: Prisoner's Dilemma or Perceptual Dilemma? // Journal of Peace Research, Vol. 30, №2, May 1993. P. 166, 174–176.*

¹⁴ *Lichbach. Op. cit. 1017–1045.*

ло государств, которые стали претендовать на свою партию в «большой игре», в частности, за счет приобретения или попыток приобретения ядерного статуса. На повестку дня вышел вопрос, как повлияет приобретение ядерного оружия на стратегический выбор новых игроков в условиях дилеммы безопасности.

Еще в 1982 г. Брюс Буэно де Мескито и Уильям Райкер на основе количественного анализа взаимодействия ядерных держав в целом подтвердили тезис Кеннета Уолтса о том, что наличие ядерного оружия у двух противоборствующих сторон снижает вероятность конфликта между ними. Однако если таким оружием владеет только одна из сторон, это, наоборот, создает асимметрию и подрывает возможность мирного сосуществования. Ценность модели де Мескито состоит в том, что она дает возможность построения эмпирически фундированных сценариев возможного взаимодействия конкурентов, стремящихся к приобретению ядерного оружия. Вместе с тем модель не решила спор Уолтса и его оппонентов (например, Скотта Сагана), которые считали, что распространение ядерного оружия, наоборот, повышает вероятность конфликта. Примечательно недавнее исследование Майкла Саймона (2004 г.), который провел серию экспериментов, опираясь на теорию игр. Саймон выявил, что наличие ядерного оружия не определяет четко заданной стратегии поведения в отношении конкурента – эксперименты не дают однозначного результата. Значит, точка в дискуссии Уолтса и Сагана до сих пор не поставлена.¹⁵

В контексте современных исследований целесообразно отметить еще несколько направлений. Прежде всего это эмпирическая верификация модели Джона Вассеса о логике взаимодействия государств, приводящего к войне (англ. *steps-to-war model*). Вассес делал акцент на таких переменных, как территориальные споры, прошлые конфликты, соотношение потенциалов, а также структура межгосударственных альянсов. В своих недавних эмпирических исследованиях (2005 и 2007 гг.) Майкл Колареси и Уильям Томпсон показали, что территориальные споры способствуют эскалации конфликтов. Не меньшую роль играет и история конфликтов (в терминах модели Ричардсона – «обиды»). Чем чаще государства сталкивались в прошлом, тем больше вероятность их военного столкновения в будущем. Членство в альянсах повышает вероятность конфликта в том случае, если баланс сил между ними не является равномерным. Сбалансированные альянсы, наоборот, снижают вероятность конфликта. Еще один интересный результат – влияние взаимного наращивания вооружений на вероятность конфликта аналогично влиянию асимметрии соперничающих альянсов государств, имеющих больше двух прецедентов взаимных конфликтов в прошлом.¹⁶ Не меньший интерес представляют собой исследования влияния имеющегося потенциала на принятие решений. Так, Бенджамин Голдсмит в количественном исследовании данных за 1886–1989 гг. верифицировал тезис о том, что если государство имеет свободные материальные средства, оно с большой вероятностью начнет наращивание своего военного потенциала. Иными словами, экономический рост или большой уровень богатства способствуют вооружению со всеми вытекающими последствиями для баланса сил. Это явление свойственно как автократиям, так и демократиям, хотя вторые в основном склонны к меньшим долям военных расходов в своих бюджетах.¹⁷

Следует также упомянуть исследование Бенджамина Фордама, который на примере США эмпирически доказал, что чем большим потенциалом обладает государство, тем более вероятен соблазн использования силы для давления на другие государства. Военное превосходство – важная предпосылка агрессивного поведения и, несомненно, дает существенные козыри «ястребам» при принятии решений. Однако в последнее время эта закономерность несколько видоизменяется. Развитые государства со значительными военными потенциалами все в большей степени делают ставку на относительно немногочисленные контрактные армии, оснащенные дорогими вооружениями. Отсутствие же большого количества войск физически ограничивает маневр для агрессивного поведения – малочисленная, хотя и оснащенная армия не может быть эффективно задействована сразу на нескольких театрах военных действий.¹⁸

¹⁵ *Simon, Michael*. Asymmetric Proliferation and Nuclear War: The Limited Usefulness of an Experimental Test // *International Interactions*, Vol. 30, 2004. P. 59–85. В этой же работе дается анализ дискуссии Уолтса и Сагана, а также раскрывается модель Буэно де Мескито и Райкера.

¹⁶ *Colaresi, Michael; Thompson, William*. Alliances, Arms Buildups and Recurrent Conflicts: Testing a Step-to-War model // *The Journal of Politics*, Vol. 67, №2, May 2005. См. Также: *Colaresi, Michael; Rasler, Karen; Thompson, William*. Strategic Rivalries in World Politics: Position, Space and Conflict Escalation. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

¹⁷ *Goldsmith, Benjamin*. Bearing the Defense Burden, 1886–1989: Why Spend More? // *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 47, №5, October 2003. P. 551–570.

¹⁸ *Fordham, Benjamin*. A Very Sharp Sword: The Influence of Military Capabilities on American Decisions to Use Force // *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 48, №5, October 2004. P. 632–654.

Эмпирические исследования международников находились под сильным влиянием реализма вплоть до 1970-х гг. Затем их доля в общем количестве работ постепенно начала сокращаться, а в 1990-х гг. реалистская проблематика была существенно потеснена повесткой либеральной теории.¹⁹ Реализм не обеспечивал достаточной концептуальной базы для изучения целого ряда факторов, очевидно влияющих на выбор в ситуациях дилеммы безопасности. Прежде всего, реализм не учитывал в должной мере внутренние факторы: политические решения не принимаются автоматически, они опосредованы институтами и формальными процедурами, которые могут влиять на результат. Далее, взаимодействие государств не сводится лишь к военному соперничеству и гонке вооружений: за скобками реализма остается экономическое взаимодействие. Кроме того, все большую роль на поведение государств начинают оказывать международные организации и институты, потенциально ограничивающие маневр в решении дилеммы безопасности. На исходе холодной войны новые реалии международных отношений существенно усилили актуальность либеральной проблематики, а установившиеся со времени «бихевиористской революции» правила игры в конкуренции концепций и моделей потребовали их эмпирической верификации.

Верификация либеральных тезисов: демократия, взаимозависимость и международные институты

Либеральное крыло эмпирических исследований подходит к дилемме безопасности с позиций «объяснительного треугольника», который включает в себя три базовых фактора. Первый – влияние политического режима. Стратегический выбор в дилемме безопасности, который делает демократическое государство, коренным образом отличается от выбора автократий: демократии в целом менее агрессивны. Второй – роль экономической взаимозависимости: взаимосвязанные государства менее агрессивны по отношению друг к другу, так как цена войны с торговым партнером значительно увеличивается. Третий – роль международных институтов и организаций: в терминах дилеммы безопасности члены одной международной организации, особенно если она способна применить те или иные санкции, должны демонстрировать менее агрессивные стратегии по отношению друг к другу по сравнению с теми странами, которые не связаны посредством международных институтов.

Базовым допущением является то, что все три фактора в идеале снижают неопределенность в отношениях между государствами, которая, как мы уже отмечали, является фундаментальной предпосылкой дилеммы безопасности. Соответственно, снижая неопределенность, они делают менее вероятным выбор в пользу «худшего сценария».²⁰ Одной из недавних фундаментальных работ является книга Брюса Рассета и Джона Онила, в которой рассматривается комплексное влияние «треугольника» на международную политику.²¹ Кроме того, большое количество работ анализирует каждый из факторов отдельно. Мы рассмотрим последние прецеденты подобных работ.

Среди исследований демократического мира можно отметить работу Весны Данилович и Джо Клэра (2007 г.). В качестве зависимой переменной авторами используются прецеденты войн конкретного демократического государства с другими демократиями, а также с государствами, которые не могут быть охарактеризованы как демократические. В качестве независимой – его политический режим и внутренние конфликты («внутренний мир») измеряемый индексами «Freedom House», а также «Polity-IV».²² Рассматривается период с 1972 по 2000 гг.

¹⁹ Эта трансформация была также доказана эмпирическим путем на основе изучения более чем пятисот работ в четырех ведущих журналах по международной проблематике. См.: Walker, Thomas; Morton, Jeffrey. Re-Assessing the «Power of Power Politics» Thesis: Is Realism Still Dominant? // International Studies Review, №7, 2005. P. 341–353.

²⁰ Это допущение имеет солидный политико-философский и теоретический фундамент. Достаточно упомянуть, что ранние публикации Моргентау были сфокусированы на жесткой критике принципов либерализма (идеализма), обозначавшихся кантианской и вильсонской традицией. Конкуренция политико-философских аргументов имеет гораздо более давнюю историю, нежели конкуренция эмпирических моделей. Сравнительный анализ базовых теоретических положений реализма и либерализма представлен в следующей работе: Сандерс Д. Неореализм и неолиберализм // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.Д. Клингеманна. М: Вече, 1999. С. 421–423.

²¹ Russett, Bruce; Oneal, John. Triangulating Peace: Democracy, Interdependence, and International Organizations. N.Y.: W.W. Norton, 2001.

²² Подробное описание проектов «Freedom House» и «Polity-IV» см. в следующем издании: Мельвилль А.Ю., Ильин М.В., Полуниин Ю.А., Миронюк М.Г., Мелешкина Е.Ю., Тимофеев И.Н. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М: МГИМО-Университет, 2007. С. 25–63.

Авторы выявляют значительную статистическую взаимосвязь между типом режима и внутренней стабильностью, с одной стороны, и склонностью государства к военным конфликтам, с другой, эмпирически подтверждая кантианские тезисы о природе международных отношений.²³

Другие авторы занимают более осторожную позицию. Например, Майкл Ворд и его соавторы приходят к выводу о том, что кантианская модель уязвима для критики. Их количественный анализ показывает, что демократии действительно не склонны воевать друг с другом. Но системный эффект от этого невелик. Данное обстоятельство особенно актуально для членства в международных институтах, которое вовсе не обязательно гарантирует мирное поведение стран по отношению друг к другу.²⁴

Интересную идею более 10 лет назад предложили Эдвард Мансфелд и Джек Снайдер. Их тезис сводится к тому, что наибольшую проблему для международных отношений представляют не автократии и тем более не старые демократии. В гораздо большей степени к конфликтам склонны переходные режимы и новые демократии. Так как правила игры в этих государствах еще не устоялись, а социальные и экономические проблемы обострены, их политические элиты могут быть склонны к агрессивному поведению в отношении соседей, тем самым отвлекая внимание общественности от внутренних неурядиц. Поэтому авторы предупреждают против демократизации стран, которые не могут контролироваться международным сообществом.²⁵

В целом, гипотеза о том, что стабильные демократии склонны скорее к сотрудничеству, нежели к конфронтации, так или иначе подтверждается во всех исследованиях. Некоторыми авторами этот тезис считается эмпирически даже более точным, нежели тезис об экономической взаимозависимости²⁶, хотя такая точка зрения отчасти определяется временными рамками количественного анализа. Предметом дискуссий выступает скорее то, насколько склонны к войне новые демократии по сравнению, скажем, со стабильными авторитарными режимами. Но то, что новые демократии и автократии с большей вероятностью будут проявлять агрессивность на международной арене по сравнению со стабильными демократиями, служит предметом относительного консенсуса исследователей либерального крыла.

В отношении экономической взаимозависимости примечательна работа Марка Сува и Брендона Принса (2006 г.). Страны, делающие акцент на экономическом, а не военном влиянии, более склонны к переговорам и дипломатическому торгу. Коммерческие интересы внутри страны ведут к образованию групп, которые не заинтересованы в войне с экономическими партнерами. Эти группы пытаются лоббировать выгодный им внешнеполитический курс. (Ранее этот тезис верифицировался в работах Онила и Рассета.²⁷) Развитие взаимной торговли, в свою очередь, способствует формированию формальных и неформальных связей, благодаря чему снижается неопределенность в отношениях. Эти гипотезы успешно проверяются посредством количественного анализа на временных рядах (1950–1999 гг.). Зависимой переменной выступают конфликты, в которые вовлечены государства, в качестве независимой – их внешнеэкономическая активность (сумма экспорта и импорта, поделенная на ВВП) и объем торговли.²⁸

К похожим выводам приходит и Эрик Гарцке (2007 г.). Соглашаясь с тем, что демократии более склонны к сотрудничеству, он объясняет демократию развитостью экономических институтов и включенностью в международную торговлю. Иными словами, причинно-следственная связь имеет более сложную структуру: экономика – демократия – внешняя политика. Кроме того, в модель включаются и другие переменные, которые могут считаться альтернативными экономике и режиму, – военная и экономическая мощь, географические характеристики и др. Выдвинутые гипотезы успешно верифицируются количественно.²⁹

²³ Danilovic, Vesna; Clare, Joe. The Kantian Liberal Peace (Revisited) // *American Journal of Political Science*, Vol. 51, №2, April 2007. P. 397–414.

²⁴ Ward, Michael; Siverson, Randolph; Cao, Xun. Disputes, Democracies, and Dependencies: A Reexamination of the Kantian Peace // *American Journal of Political Science*, Vol. 51, №3, July 2007. P. 583–601.

²⁵ Mansfield, Edward; Snyder, Jack. Democratization and War // *Foreign Affairs*, Vol. 74, №3, May/June 1995. P. 79–97.

²⁶ См.: Min Kim, Hyuang; Rousseau David. The Classical Liberals Were Half Right (Or Half Wrong): New Tests of the «Liberal Peace», 1960–1988 // *Journal of Peace Research*, Vol. 42, №5, 2005. P. 523–543.

²⁷ Oneal, John; Russett Bruce. Assessing the Liberal Peace with Alternative Specifications: Trade Still Reduces Conflict // *Journal of Peace Research*, Vol. 36, №4, 1999. P. 423–442.

²⁸ Souva, Mark; Prins, Brandon. The Liberal Peace Revisited: The Role of Democracy, Dependence, and Development in Militarized Interstate Dispute Initiation, 1950–1999 // *International Interactions*, Vol. 32, №2, July 2006. P. 183–200.

²⁹ Gartzke, Erik. The Capitalist Peace // *American Journal of Political Science*, Vol. 51, №1, January 2007. P. 166–191.

Конечно, корреляции между экономической взаимозависимостью и поведением на международной арене не равны 1. Иными словами, закономерность имеет большее или меньшее количество исключений. Однако даже в том случае, если экономически зависимые страны начинают войну друг с другом, взаимозависимость все равно производит положительный эффект: конфликты между экономически взаимосвязанными странами влияют на их длительность – чем больше зависимость, тем менее продолжителен конфликт.³⁰ Тем не менее тезис о благотворном влиянии взаимозависимости в области экономики все-таки может быть встречен критически. Некоторые авторы указывают на обратную зависимость – не отсутствие взаимозависимости провоцирует войны, а войны подрывают взаимозависимость.³¹

Положение о том, что экономическая и торговая взаимозависимость снижает вероятность конфликтов, подтверждает авторитетный исследователь Зив Маоз. Он выделяет три типа взаимозависимости (и, наоборот, поляризации стран). Первая – стратегическая (принадлежность к союзам и коалициям), вторая – экономическая, третья – культурная. Гипотезы верифицируются на основе количественных данных за 1816–2002 гг. Маоз делает следующие выводы. Экономическая взаимозависимость снижает вероятность конфликта практически на протяжении всего рассматриваемого периода. Стратегическая взаимозависимость при условии поляризации альянсов, напротив, повышает вероятность конфликтов. Но этот результат нестабилен во времени. В XIX в. стратегическая взаимозависимость снижала взаимные конфликты, в первой половине XX в. – повышала, а в ядерную эру – снова снижала. Гораздо меньшее влияние на конкуренцию государств имеет культурная взаимозависимость.³² Таким образом, влияние экономических факторов оказывается наиболее стабильным, а «столкновение цивилизаций», в версии Сэмюэля Хантингтона, в исторической ретроспективе вообще оказывается фальсифицированным.³³

Что касается влияния международных институтов, то здесь наиболее актуальными представляются исследования об их воздействии на переходные страны. Интерес, в частности, представляет база данных и работа Джона Пивихауса, который рассматривает влияние членства в региональных международных организациях на консолидацию демократических режимов в переходных странах. Несмотря на то, что зависимой переменной для Пивихауса является демократизация, его работа представляется весьма важной для понимания дилеммы безопасности: если международные институты действительно способствуют консолидации демократий, значит, используя уже обозначенные выше причинно-следственные связи, они могут способствовать снижению рисков, связанных с поведением некоторых молодых демократий на международной арене. Пивихаус собрал базу данных по членству в организациях и состоянию демократических режимов. Основной вывод – международные организации способны оказывать существенное влияние на консолидацию демократии при условии соответствующего запроса со стороны национальной элиты. Причем чем выше уровень санкций, которые может применить организация, тем больше вероятность того, что государство будет корректировать свой внутривластный курс в соответствии с ее требованиями.³⁴ В свете этих выводов было бы интересно изучить отклоняющиеся случаи, когда влияние международных организаций способствовало установлению «фасадных» демократий с нестабильной государственностью, проявляющих агрессивность на международной арене.

Еще одна интересная работа посвящена влиянию международного сообщества развитых государств на гражданский контроль над военными в переходных странах (хотя в отличие от большинства упомянутых исследований она не базируется на формализованных моделях). Связь с дилеммой безопасности здесь очевидна: чем большую свободу рук получают «ястребы», тем более вероятно агрессивное поведение на международной арене. Выделяются две базовые стратегии переходных стран, в которых контроль над военной сферой получают гражданские лица, не имеющие специального военного образования. Те государства, которые

³⁰ См. например: *Krustev, Valentin*. Interdependence and the Duration of Militarized Conflict // *Journal of Peace Research*, Vol. 43, №3, 2006. P. 243–260.

³¹ *Min Kim, Hyuang; Rousseau David*. Op. cit. P. 540.

³² *Maoz, Zeev*. Network Polarization, Network Interdependence, and International Conflict, 1816–2002 // *Journal of Peace Research*, Vol. 43, №4, 2006. P. 391–411.

³³ К похожим выводам, фальсифицирующим тезисы Хантингтона, приходят также Онил, Рассет и Кокс, включившие культурные переменные в свой количественный анализ. См.: *Oneal, John; Russett, Bruce; Cox, Michaelene*. Clash of Civilizations, or Realism and Liberalism Déjà vu? // *Journal of Peace Research*, Vol. 37, №5, 2000. P. 583–608. Однако следует оговориться, что эти результаты получены на исторических данных, т.е. свидетельствуют о прошлых и настоящих закономерностях. Тогда как Хантингтон рассуждает о столкновении цивилизаций как о будущем международных отношений.

³⁴ *Pevehouse, John*. With a Little Help From My Friends? Regional Organizations and the Consolidation of Democracy // *American Journal of Political Science*, Vol. 46, №3, July 2002. P. 611–626.

осуществляют демократический транзит без присоединения к западным военным альянсам, существенно сокращают свои военные расходы. Гражданские лидеры этих стран имеют мало стимулов к достижению военной эффективности, так как затраченные ресурсы приносят сомнительный для электората результат. Иными словами, они заинтересованы в сокращении военных бюджетов, а военные должны выполнять свои функции при минимальных расходах. Кроме того, если новые демократии являются реципиентами внешней помощи, то одним из условий ее получения, как правило, является снижение военных расходов. Другая стратегия осуществляется теми странами, которые присоединяются к военным альянсам. От них, наоборот, требуются усилия по адекватному вкладу в безопасность блока. Их лидеры вынуждены тратить дополнительные ресурсы на военное развитие, хотя приоритеты военного строительства опять же определяются ими с меньшей долей самостоятельности.³⁵ В таком понимании демократизация увязывается с вопросами безопасности, о чем свидетельствует опыт расширения НАТО и ЕС.³⁶

Либеральному крылу международников, несомненно, многое удалось в объяснении стратегического выбора государств, используя объяснительные схемы, традиционно остававшиеся вне поля зрения реалистов. Они также смогли отразить в своих исследованиях новые тенденции – третью «волну» демократизации, расширение экономических взаимосвязей и рост влияния международных институтов.³⁷ Однако за пределами либеральной и неолиберальной рефлексии оставался тот факт, что мирное сосуществование демократий, торговых партнеров или соучредителей международных институтов объясняется нечто большим, нежели простым сходством режимов, экономической выгодой или угрозой санкций. Эти государства разделяют сходные ценности, образуя международные сообщества, или «мы-группы», объединяющиеся не только на основе материальных, но и идейных оснований. Их восприятие угрозы и выбор в ситуациях дилеммы безопасности напрямую зависит от того, в какой степени другое государство признается в качестве «своего» или «чужого». Иными словами, речь идет о влиянии идентичности на стратегический выбор, ставшей предметом рефлексии конструктивистов.

Конструктивизм: от теоретической аргументации к эмпирическим исследованиям

Рассуждая о верификации конструктивистских аргументов, следует сделать важную оговорку. В начале статьи мы предположили, что дилемма безопасности является «сквозной» зависимой переменной для базовых теорий МО. Между тем представители конструктивизма нередко отмечают, что зависимой переменной для них является идентичность государства.³⁸ Это не должно вводить в заблуждение относительно роли и места дилеммы безопасности в конструктивистской проблематике.

Обратимся к базовой работе Александра Вендта 1992 г. Его интересует, почему государства склонны к проявлению силовой политики по принципу «худшего сценария». Реализм объясняет это неопределенностью и анархией, являющейся объективной и едва ли не априорной структурной предпосылкой международной политики. Именно это пытается оспорить Вендт. По его мнению, выбор в пользу силовой политики – это результат субъективного восприятия государством внешних угроз, а также идентификации себя и своих контрагентов в качестве друзей или врагов. Эти явления концептуализируются через понятие идентичности – системы знаний, ценностей и опыта, сквозь призму которых государство реагирует на внешние вызовы.³⁹ «Гоббсовский страх», таким образом, является продуктом «сознания» самих государств, а не объективно заданным условием. Каждое государство может по-разному воспринимать анархию и неопределенность. Силовая политика – не запрограммированная реакция, а лишь один из возможных вариантов поведе-

³⁵ Bruneau, Thomas; Trinkunas, Harold. Democratization as a Global Phenomenon and its Impact on Civil-Military Relations // Democratization, Vol. 13, №5, December 2006. P. 776–790.

³⁶ См. об этом: Olsen, Gorm Rue. Promotion of Democracy as a Foreign Policy Instrument of «Europe»: Limits to International Idealism // Democratization, Vol. 7, №2, Summer 2000. P. 142–167.

³⁷ Рефлексия этих тенденций представителями либеральных и неолиберальных школ во многом подтолкнула процесс становления мировой политики как самостоятельной дисциплины. См.: Лебедева М.М. От мировой политики к единой политической науке // Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития / Под ред. А.И. Соловьева. М.: РОСПЭН, 2006. С. 48.

³⁸ См., например: Wendt, Alexander. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization, Vol. 46, №2, Spring 1992. P. 424.

³⁹ Wendt. Op. cit. P. 391–396.

ния. Иными словами, для конструктивизма дилемма безопасности остается краеугольной проблематикой, а идентичность выступает альтернативным объяснительным механизмом. Вендт подчеркивает: «Я не буду пытаться оспорить неореалистический взгляд на природу международной политики в терминах соперничества. Я лишь попытаюсь дать ей иное объяснение».⁴⁰

Однако делая допущение о влиянии идентичности на исход дилеммы безопасности, конструктивисты усложняют свою объяснительную схему. Она включает в себя дополнительные факторы, объясняющие уже не стратегический выбор, а идентичность как таковую. Именно поэтому конструктивистам свойствен подход к идентичности еще и как к зависимой переменной.

Формирование идентичности объясняется интерсубъективностью государств: идентичность представляет собой продукт взаимодействия на международной арене.⁴¹ Другие страны могут быть как образцами для подражания, так и «изгоями», с которыми ассоциируется образ врага. Здесь конструктивисты опираются на либеральную традицию. Для либералов подобное соотнесение опосредуется международными институтами и взаимозависимостью, а для конструктивистов – когнитивными структурами и исторически сложившимися системами знаний.⁴² Точкой пересечения с либерализмом является также допущение о том, что интересы государства поддаются трансформации: у либералов – посредством изменения политического режима и включения в международные институты, у конструктивистов – посредством изменения когнитивных структур и «социализации». Реалистская схема выглядит более простой: неопределенность и анархия объективны и не нуждаются в дополнительном объяснении; интересы же состоят в поддержании мощи ради самосохранения и являются неизменной величиной.

Помимо взаимодействия с другими государствами, интерсубъективность предполагает также влияние системы идей, норм и ценностей, принятых международным сообществом. Примером здесь может выступать идея суверенитета. Каждое государство является членом сообщества суверенных государств и признается ими в качестве такового. Признание в качестве суверена существенно влияет на политику в отношении государства. Нарушение признанного суверенитета с гораздо большей вероятностью натолкнется на противодействие международного сообщества в сравнении с интервенцией против государства, не имеющего такового.⁴³ Международное сообщество, таким образом, обладает значительным потенциалом влияния на страновые идентичности. В этом конструктивисты видят залог благоприятного решения дилеммы безопасности. Международное сообщество может «форматировать» потенциальных агрессоров, снижая вероятность конфликтов. Однако плотность международного сообщества достаточно низка в силу небольшого количества участников, что ограничивает его влияние.⁴⁴ Внутренние факторы формирования идентичности могут оказаться сильнее импульсов извне.⁴⁵

Теперь рассмотрим эти положения сквозь призму эмпирических работ. Прежде всего, следует отметить, что эмпирический и прикладной интерес к подобной проблематике был спровоцирован распадом СССР и появлением значительного числа стран, вышедших из сферы советского влияния. Стратегия их последующего вовлечения в сферу влияния евроатлантического сообщества требовала серьезного теоретического фундамента. Эту прикладную роль отчасти и стал играть конструктивизм. Обращает на себя внимание недавнее иссле-

⁴⁰ Wendt. Op. cit. P. 396.

⁴¹ Wendt. Op. cit. P. 406.

⁴² Здесь конструктивизм опирается на богатую социологическую традицию – теорию «зеркального Я», социального интеракционизма и др. См., например: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia центр, 1995. См. также: Кули Ч.Х. Социальная самость // Американская социологическая мысль / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 1996.

⁴³ Wendt. Op. cit. P. 412–415. См. также: Ильин М.В. Суверенитет: развитие понятийной категории. // Суверенитет. Трансформация понятий и практик / Под ред. М.В. Ильина и И.В. Кудряшовой. М.: Издательство МГИМО(У) МИД РФ, 2008. С. 20.

Хотя подходы международного сообщества не застрахованы от двойных стандартов, что иллюстрируется в статье Ричарда Херманна и Вуна Шеннона о различии в восприятии международным сообществом и Соединенными Штатами, скажем, вторжения Ирака в Кувейт и Израиля в Южный Ливан. См.: Herrmann, Richard; Shannon, Vaughn. Defending International Norms: The Role of Obligation, Material Interest, and Perception in Decision Making // International Organization, Vol. 55, №3, Summer 2001. P. 621–652.

⁴⁴ Wendt, Alexander. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 20–21.

⁴⁵ Этот пробел заполняется, в частности, теориями национализма, которые выявляют влияние некоторых внутренних факторов на формирование идентичностей современных государств. См.: Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М.: Книжный дом Университет, 2005; Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. М.: Издательство МГИМО(У) МИД РФ, 2008. С. 40–57.

дование Кэрл Аткинсон. В центре ее работы – вопрос о влиянии военного сотрудничества с США на изменение идентичности государств-партнеров. Гипотеза состоит в том, что иностранным офицерам и членам их семей, обучающихся по американским военным программам, прививаются соответствующие демократические ценности. Они получают не только технические навыки, что является непосредственной целью их отправки в США, но также включаются в специфическую мировоззренческую среду. Таким образом, их индивидуальная идентичность за время обучения претерпевает изменения в пользу лояльности американской (и шире – западной) системы ценностей. Возвращаясь домой, они занимают ключевые посты в национальной военной иерархии, в том числе благодаря своим техническим навыкам. Далее они способствуют институциональной трансформации своих режимов, а также изменению национальной внешнеполитической идентичности в сторону большей лояльности западным институтам коллективной безопасности. Важную роль в этом процессе играют связи и контакты с американскими коллегами. Идентичность, таким образом, носит не абстрактный характер, а распространяется и изменяется конкретными людьми, имеющими собственные системы ценностей и убеждений: индивидуальный уровень сопрягается с государственным.

Аткинсон проверяет свою гипотезу количественным путем. Идентичность выступает зависимой переменной. Она операционализируется в категориях оппозиции «демократия-автократия» и измеряется баллами, принятыми в проекте «Polity-IV». Военное сотрудничество выступает независимой переменной – кодифицируются различные уровни вовлечения того или иного государства в военное сотрудничество: стажировки и обучение, военный союз, размещение американских баз на территории страны, продажа вооружений и др. Автора интересуют случаи, когда военное сотрудничество приводило к смене идентичности – от «авторитарной» к «демократической» и наоборот. В целом, выдвинутая гипотеза была подтверждена на данных с 1972 по 2000 гг.: чем более тесным было сотрудничество в военной сфере, тем с большей вероятностью страны меняли свои идентичности. Иными словами, военное сотрудничество выступает не только ресурсом «жесткого влияния», но также и «мягкого влияния», повышая лояльность путем убеждения, а не принуждения. Несмотря на то, что эмпирическая процедура вызывает вопросы (изменения идентичности в авторской трактовке эквивалентны режимным изменениям, что очень спорно), сама постановка вопроса и прикладное использование конструктивистской модели вызывают значительный интерес.⁴⁶

Серия оригинальных эмпирических исследований по конструктивистской проблематике была проведена Дэвидом Руссо, который разработал так называемую модель конструирования угрозы. Идентичность выступает основным объяснительным фактором выбора государством реалистской или либеральной перспективы своей внешней политики. Чем в большей степени совпадают идентичности, тем с большей вероятностью взаимодействующие страны будут воспринимать друг друга в качестве друзей, а не врагов. Однако открытыми остаются несколько вопросов. Как определяются «свои» и «чужие»? Какова логика распространения идентичности среди граждан, а также среди государств, являющихся членами международного сообщества? Почему стабильные идентичности приживаются в одних государствах (обществах) и не приживаются в других?⁴⁷

Руссо проводит комплексное эмпирическое исследование, сочетая несколько методов. Во-первых, это экспериментальное исследование, фиксирующее процесс формирования идентичности на уровне индивидов. Во-вторых, применяется симуляционная модель, формализующая процесс динамики идентичности на уровне государства и международного сообщества. Некоторые из выявленных закономерностей иллюстрируются на примере американо-китайских отношений. Этот кейс-стади разукрупняется на комплекс методик, включая экспертные опросы представителей элиты, анализ потенциалов сторон и др. Примечательным является то, что Руссо удается объединить в одном исследовании индивидуальный, национальный и наднациональный уровни идентичности.

Экспериментальные исследования показали, что чем в большей степени респонденты воспринимают другое государство как не похожее на свою страну, тем в большей степени они склонны рассматривать его в качестве врага. Однако это восприятие легко поддается манипуляциям даже при помощи малых воздействий, таких, как газетные статьи, преподносящие другую страну в том или ином свете. Если в статьях, предлагаемых американским респондентам, Китай описывался как страна, быстро идущая к демократии и рынку и все больше раз-

⁴⁶ Atkinson, Karol. Constructivist Implications of Material Power: Military Engagement and the Socialization of States, 1972–2000 // *International Studies Quarterly*, Vol. 50, 2006. P. 509–537.

⁴⁷ Rousseau, David. Identifying Threats and Threatening Identities. The Social Construction of Realism and Liberalism. Stanford: Stanford University Press, 2006. P. 209–212.

деляющая западные ценности, они проявляли большую склонность к сотрудничеству с ним. Сходные результаты были получены в другом национальном контексте – при проведении экспериментов в Испании.⁴⁸

Симуляционные модели выявили факторы, которые способствуют или препятствуют распространению и сохранению идентичности среди членов сообщества. Оказалось, что сложные и многомерные идентичности⁴⁹ труднее поддаются распространению, хотя они обладают большей стабильностью во времени. Простые идентичности легче внедряются, но менее стабильны во времени. Большей устойчивостью обладают идентичности промежуточного типа. Иными словами, стабильная и «популярная» идентичность требует некоего оптимального набора составляющих, не слишком усложняющих, но и не слишком упрощающих оценку. Далее, наличие нескольких сильных лидеров способствует поляризации идентичности внутри сообщества и тенденции к радикальному восприятию «своего» и «чужого» сообщества. Еще один фактор – существование норм, поощряющих или препятствующих выбору той или иной трактовки. Например, в период холодной войны гражданин США мог сделать выбор в пользу коммунизма, но это не поощрялось сообществом. Модель Руссо показывает, что увеличение стимулов к поощрению определенной трактовки способствует стабильности и однородности идентичности. Отсутствие же таких норм приводит к поляризации оценок. Эти три фактора могут иметь кумулятивный эффект. Сложные и многомерные идентичности при условии наличия сильных лидеров внутри сообщества, а также отсутствия норм, поощряющих или препятствующих тому или иному выбору, способствуют поляризации оценок (и наоборот). Кроме того, модель учитывает консенсус СМИ в отношении оценок и наличие связей между различными кластерами внутри сообщества (регионами государства, членами альянса и т.п.). Соответственно, однородность оценок СМИ, а также высокий уровень взаимосвязи между кластерами внутри сообщества способствуют укреплению общей идентичности (и наоборот).⁵⁰

Примечательным является то, что стабильная идентичность, по сути, должна обеспечиваться довольно жесткими методами – целенаправленной подборкой и контролем критериев соотнесения «своих» и «чужих», ограничением числа влиятельных лидеров, принуждением к выбору конкретной оценки, а также направленной медийной работой. (Сам Руссо непосредственно не делает подобных выводов.)

Интерес вызывают также точки соприкосновения конструктивизма с критической теорией. Речь идет о том, что наличию общей идентичности способствует развитая публичная сфера: чем активнее коммуникация между странами, тем больше вероятность того, что их поведение на международной арене не будет носить характер конфронтации. Этот тезис отчасти был предметом исследований Руссо. Он подвергся специальному анализу в работе Дженифер Митсен.⁵¹ Следует также отметить пример исследования, в котором тестируется конструктивистская гипотеза о влиянии опыта взаимодействия государств на выбор в ситуации дилеммы безопасности. Автором одной из недавних статей на эту тему выстраивается так называемая репутационная модель, которая тестируется количественным путем. Чем хуже «репутация» одной из сторон, тем выше вероятность конфликта. Под «репутацией» понимается число конфликтов между двумя державами в прошлом, совпадение позиций держав и разница их потенциалов. Эти переменные кодифицированы за период с 1817 по 2000 гг. Гипотеза успешно верифицируется.⁵²

Конечно, полученные результаты являются как минимум дискуссионными и требуют дополнительной эмпирической проверки. Критическая масса эмпирических исследований конструктивистов пока не сопоставима с исследованиями реалистской и либеральной проблематики. Вместе с тем значительный интерес вызывает прикладной аспект их использования. Учитывая то, что идентичность в современных условиях в той или иной степени является предметом конструирования, подобные модели могут открыть новые возможности для управления «сферой идей» и применения «мягкой силы» в международной политике.

⁴⁸ Rousseau. Op. cit. P. 115–117.

⁴⁹ Среди измерений идентичности, которые фиксировались в исследовании, – тип политического режима, экономика, торговые связи, язык, религия, военный потенциал и др.

⁵⁰ Rousseau. Op. cit. P. 120–142. См. Также: Rousseau, David; Veen van der, Maurits. The Emergence of Shared Identity: An Agent-Based Computer Simulation of Idea Diffusion // Journal of Conflict Resolution, Vol. 49, №5, October 2005. P. 696–711.

⁵¹ Mitzen, Jennifer. Reading Habermas in Anarchy: Multilateral Diplomacy and Global Public Spheres // American Political Science Review, Vol. 99, №3, August 2005. P. 401–416.

⁵² Crescenzi, Mark. Reputation and Interstate Conflict // American Journal of Political Science, Vol. 51, №2, April 2007. P. 382–396.